

О КНИГЕ «МЫШЛЕНИЕ И ЯЗЫК» *

Научное решение вопросов, объединяемых под именем проблемы соотношения мышления и языка, невозможно без точного определения ряда важнейших понятий логики и языкознания. Но именно с этой стороны рецензируемая книга страдает серьезными недостатками.

Обратимся к определению понятия. В книге имеется несколько определений. По мнению В. М. Богуславского (в статье «Слово и понятие»), понятия суть «мысли, выступающие в качестве субъекта простого суждения... и его предиката», «мысли о различных объективно существующих отношениях», «мысли о грамматических отношениях» и «мысли, выражающие логические связи». Общим для всех этих мыслей, по мнению В. М. Богуславского, является то, что все они «представляют собой отражение сущности предметов и отношений объективной действительности, отражение их внутренних связей» (стр. 213—214).

В статье Д. П. Горского «Роль языка в познании» понятие определяется как «мысль, отражающая общие и отличительные признаки предмета», а научное понятие — как мысль, отражающая сущность предметов (стр. 85). А. С. Ахманов (в статье «Логические формы и их выражение в языке») определяет понятие как «мысль, являющуюся ответом на вопрос „что это?“ или „что это такое?“» (стр. 169), причем некоторые понятия являются суждениями о предмете, другие — только значением слов и сочетаний слов (стр. 208—209).

При всех различиях эти определения имеют общее: они несостоятельны уже с формальной точки зрения. Так, например, в определении понятия как мысли об отношениях вообще, о грамматических, логических отношениях отсутствует единое основание перечисления — ведь логические и грамматические отношения суть частные случаи отношений вообще, а мысль об отношениях — частный случай предиката. Так что общим для мыслей, называемых понятиями, будет не только отражение ими сущности (как считает В. М. Богуславский), но и характеристика их как субъекта или предиката. Однако в таком случае понятие отождествляется с терминами суждения.

С точки зрения определения, данного Д. П. Горским, всякое суждение, раскрывающее сущность предмета, оказывается понятием (научным). Но в таком случае огромное число научных понятий лишается права называться научными, поскольку они отражают не сущность, а, допустим, пространственное положение, место в связи и т. п. Термин «сущность» превращается в пустышку, поскольку сущностью придется называть все то, что отражается научными понятиями. С другой стороны, понятие «в широком смысле слова» отождествляется со значением слова (стр. 85), с чем также никак нельзя согласиться.

В третьем определении (в статье А. С. Ахманова «Логические формы и их выражение в языке») указан произвольный (не логический) критерий отличия понятий от других логических и лингвистических фактов, так что в число понятий, по признанию самого автора определения, попадет часть суждений, и это будет зависеть от субъективного оперирования вопросом «Что это?». Точно так же и отличие значения слова от понятия остается не выясненным достаточно точно.

Конечно, посредством понятий отражаются и сущность, и общие признаки, и отличительные признаки предметов. Вместе с тем понятия для того и вводятся в науки, чтобы фигурировать в качестве терминов суждений. Но прежде чем говорить о различных функциях понятий, сходных с функциями других логических средств, надо точно определить понятие, отличив его от других фактов логики и языкознания. Для этого необходимо охарактеризовать сам способ установления соответствия терминов предметам, а именно — установление соответствия терминов предметам посредством определения. Авторы же сборника покинули эту почву логики, заявившись отысканием нелогических критериев выделения понятия.

Что касается термина «слово», то авторы даже не ознакомились с историей попыток дать научное определение слова. По-видимому, они вообще не видят в этом особой проблемы и, как правило, не дают определений слова. Нельзя же в самом деле считать «определением слова такую фразу Д. П. Горского: «Слово всегда есть единство звукового комплекса и значения»» (стр. 82). Под такое определение подпадает и морфема, и предложение, и вообще почти каждый лингвистический факт.

В. М. Богуславский делает оговорку, что термин «слово» будет употребляться в смысле «определения», данного академиком В. В. Виноградовым (стр. 215). Формулировка, на которую здесь делается ссылка, содержит верные и важные мысли (в частности, о системном характере семантической стороны языка). Но она не есть определение в собственном смысле этого слова. Интересно, что Е. М. Галкина-Федорук припи-

* «Мышление и язык», [сборник статей], под ред. Д. П. Горского, М., Госполитиздат, 1957, 408 стр.

сывает В. В. Виноградову другое определение слова (стр. 372). Сам же В. В. Виноградов ни в книге «Русский язык», ни в статье «О формах слова» не претендует на формулировку какого-то нового определения слова.

В силу определенности терминов «понятие» и «слово» вопрос о соотношении понятия и слова сводится к системе многозначных утверждений, пытающихся охватить многочисленные функции этих явлений и исключаящих их оговорки, расцениваемых авторами как показатель сложности проблемы. Так, в статье В. М. Богуславского утверждается, что «нет понятий, не связанных со словами, и нет слов, не связанных с понятиями» (стр. 273). Затем следуют оговорки: 1) есть слова, выражающие понятия лишь в связи с другими; 2) значение слова охватывает не все содержание понятия, а лишь его общеизвестную часть; 3) в слове содержится не одно, а несколько понятий; 4) одно и то же понятие выражается различными словами-синонимами; 5) слово может выражать не только понятие, но и суждение (стр. 273—274). Спрашивается, для какой науки такого рода утверждения, число которых можно произвольно увеличить, имеют значение с точки зрения построения теории: для логики, которая берет понятие как нерасчленяемый элемент (термин) и выясняет структуру определения, устанавливающего соответствие его (термина) предмету, или для языкознания, которое может использовать теорию определений лишь как аппарат построения своих собственных понятий, не заимствуемых у логики? Надо думать, ни для той, ни для другой.

Авторы игнорируют то обстоятельство, что вопрос о соотношении понятия и слова есть лишь частный случай общесемантической проблемы соотношения обозначаемого и обозначающего, и тем самым лишь запутывают проблему. Ведь необходимость языка (или более общо: какой-то системы знаков) для построения понятий учитывается как нечто само собой разумеющееся в самом определении понятия.

Аналогично в сборнике обстоит дело с вопросом о соотношении суждения и предложения и с определением соответствующих понятий. В статье П. В. Коппина («Природа суждения и формы выражения его в языке») суждение определяется как «относительно законченная мысль, отражающая вещи, явления материального мира с их свойствами, связями и отношениями» (стр. 279—280). Но ведь это определение охватывает не только суждение, но и понятие. Далее автор включает в число суждений сообщение, вопрос и побуждение (стр. 280), давая тем самым уже другое определение, согласованность которого с первым остается сомнительной: вопрос и побуждение включают в себя субъективные моменты, от которых происходит отвлечение в процессе формирования понятия об отражении.

Но предположим даже, что здесь имеется полная согласованность. И в таком случае остается в силе одно элементарное требование: расширяя объем термина «суждение», автор обязан расширить круг изучаемых фактов и строить более общую теорию сравнительно с принятой в логике. Этого в статье не получилось. Круг фактов новой теории определяется с формальной стороны субъектно-предикатной структурой. Но это и есть круг фактов, который вполне охватывался термином «суждение» в узком смысле. Как же теперь включить в этот круг вопрос и побуждение? Автор предлагает такой путь: рассматривать побуждение как предикат (стр. 321), а запрос — как элемент предиката или связи суждения (стр. 309—310). Но чему в действительности соответствуют предикаты и связи, содержащие запрос и побуждение, ответить без насилия над предложениями, без примысливания к ним «подразумеваемого» и без замены вопроса и побуждения суждениями о них вряд ли можно. Автор так и поступает: либо заменяет вопрос и побуждение мыслями о них (стр. 282—283), либо привлекает нечто, не содержащееся в предложениях, в частности — мысль о лице, к которому обращено побуждение. Самый же интересный результат введения расширенной теории суждения это то, что истинность ряда суждений (вопросов и побуждений) оказывается признаком не самих этих суждений, а каких-то других, лежащих в их основе (стр. 316, 321—322).

Далее, перечислив ряд определений предложения, П. В. Коппин излагает свою точку зрения на предложение. При этом он ссылается только на те определения, в которых подчеркивается, что предложение «служит для выражения определенной единицы мысли». Наличие строго формальных (или иначе — структурных) определений при этом замалчивается. Собственная же точка зрения автора сводится к следующему: «Предложение есть форма реального существования суждения» (стр. 333). Поэтому в любом типе конструкций, которые считаются предложениями (например, в так называемых «бытийных предложениях», «безличных предложениях» и т. п.), П. В. Коппин пытается найти «форму существования суждения». Это оказывается возможным только потому, что сам термин «суждение» понимается автором очень расплывчато. Так, он убежден, что «суждение, выраженное в безличном предложении, как и всякое другое суждение, имеет субъект, предикат и связку» (стр. 343). Как же выражены субъект, предикат и связка, например, в суждении *Морозит*. «Субъектом этих суждений является мысль о предмете (человеке и т. д.), который испытывает определенное состояние, а мысль о последнем образует предикат суждения» (стр. 343). Такие объяснения возвращают нас к психологизму, к примысливанию и домысливанию того, что не выра-

жено ни языковой, ни логической формой. Одно из двух: или мы признаем обязательное соответствие между структурой лингвистической и структурой логической, и тогда некоторые «предложения» предложениями не являются; или же мы ищем для определения предложения не логические, а чисто лингвистические критерии, и тогда факт несоответствия между структурой одного и структурой другого, факт «неадекватного изображения средствами языка»¹ будет вполне объясним. Наконец, может оказаться, что и при чисто лингвистическом структурном определении какие-то фразы (*Ветер*; *Пожар* и т. п.) могут оказаться не предложениями или, что то же, «не грамматическими предложениями»².

В статье А. С. Ахманова верно отмечается, что апелляция к способности предложения выражать «законченную мысль» (признак, входящий во многие определения предложения) приводит к ряду логических трудностей. А. С. Ахманов приходит к выводу, что форма предложения является логико-грамматической, а не грамматической, тем самым отнимая у грамматики возможность самостоятельно исследовать предложение. В поисках определения структурной законченности мысли автор обращается к анализу смыслового состава сочетаний слов. Тем самым анализ логический подменяется анализом лингвистическим, и получается тот круг, против которого автор предупреждал сам (стр. 187—188).

Авторы сборника совершенно не учитывают следующее обстоятельство. Если даже допустить, что некоторые различные по своей природе понятия логики и языкознания совпадут по объему (например, «отношение», «субъект», «объект», «предикат» в логике и «отношение», «субъект», «объект», «предикат» в языкознании), они так или иначе останутся р а з л и ч н ы м и понятиями, поскольку они принадлежат к различным теориям и выполняют в каждой из них строго определенную функцию. Если их изъять из теорий, то сравнение соответствующих им явлений теряет всякий смысл, так как оно может означать лишь пересказ абстракций, произведенных при построении этих понятий. В частности, суждения в логике выделяются путем анализа предложений определенного вида, и тот факт, что всякое суждение может быть рассмотрено как предложение, принимается во внимание с самого начала. Когда же авторы ставят вопрос о соотношении суждения и предложения, то суждение противопоставляется предложению как нечто отличное от предложения. При этом все абстракции, произведенные при выделении суждения, воспроизводятся в утверждениях, которые по идее должны говорить о сложности проблемы, а в действительности бесцельно усложняют простой вопрос.

Небрежность при оперировании понятиями особенно сильно проявляется в сборнике в рассуждениях о содержании и форме в языке. В статье Е. М. Галкиной-Федорук «О форме и содержании в языке» говорится о самых различных «формах». Язык является «формой выражения мышления» (стр. 355). Но у формы (т. е. у языка) есть своя форма: «Задачей языковедов является именно изучение ф о р м я з ы к а, форм, способов выражения мысли в языке» (стр. 355). Слова, как известно, входят в язык, т. е. в форму, имеющую форму. Затем говорится о фонетической форме слова, грамматической форме слова, синтаксической форме слова (правда, в двух последних случаях автор предпочитает говорить «оформление»), о различии «форм сочетаний». Наконец, форма языка получает совсем новое значение: это — «единство грамматических значений и грамматических способов и средств выражения их при учете лексического значения» (стр. 375), т. е. грамматическое средство уже не есть форма, а только член единства «грамматическое значение — грамматическое средство». Ясно, что при такой многозначности термина «форма» единство или соотносительность формы и содержания остается фразой, а критика в адрес семантиков и структуралистов, отрывающих форму от содержания, теряет какую бы то ни было доказательность. Ведь если условиться, что формой в языке следует считать обозначающее, а содержанием обозначаемое, то «отрыв» в смысле раздельного рассмотрения системы обозначающих и системы обозначаемых есть допустимая в известных пределах абстракция в ходе научного исследования.

Мы не можем детально входить здесь в сущность полемики авторов сборника с де Соссюром и современными структуралистами, так как это выходит за рамки рецензии. Но, критикуя взгляды Соссюра и его последователей, надо изучить сущность их методов, а не ограничиваться ссылкой на отдельные высказывания, что обычно приводит к недоразумениям. Так, например, в статье В. З. Панфилова «К вопросу о соотношении языка и мышления» говорится: «С точки зрения Соссюра и его последователей фонема есть лишь член противопоставления. Поэтому, например, конечные *к* в словах *лук* (овощ) и *луг* (луга), с их точки зрения, представляют собой две разные фонемы *к* и *г*, так как оба эти слова противопоставляются друг другу как различные

¹ K. Bühler, Kritische Musterung der neuern Theorien des Satzes, «Indogerm. Jahrbuch», Bd. VI, Jg. 1918, Berlin — Leipzig, 1920, стр. 15.

² Ф. Ф. Ф о р т у н а т о в, О преподавании грамматики русского языка в средней школе, «Труды Первого Съезда преподавателей русского языка в военно-учебных заведениях», СПб., 1904, стр. 395—396.

лексические единицы. Таким образом, здесь совершается полный отрыв фонемы от реальных звуков речи» (стр. 159). Но, во-первых, из мысли о том, что фонема есть член противопоставления, вовсе не следует с необходимостью, что звуки [к₁] и [к₂] в словах «лук» и «луг» нужно считать разными фонемами. Во-вторых, точка зрения, по которой в данном случае [к₁] и [к₂] суть варианты разных фонем, характерна не столько для западноевропейского или американского структурализма, сколько для так называемой московской морфологической школы (Н. Ф. Яковлев, П. С. Кузнецов, Р. И. Аванесов, В. Н. Сидоров, А. А. Реформатский). Утверждение о том, что «здесь совершается полный отрыв фонемы от реальных звуков речи», заимствовано, по-видимому, у Л. Р. Зиндера или других учеников Л. В. Щербы, которые применяли этот аргумент именно против московской школы. Но причем здесь Соссюр?

Необходимо отметить, что авторы сборника почти полностью игнорируют достижения языкознания XX в. (речь идет не только о структурализме). Так, при анализе вопроса об образовании понятий Д. П. Горский дает разрозненные примеры переноса значений, в то время как существует разработанная теория семантической системы языка и, в частности, ряд интересных работ по теории семантического поля (работы Трира и его учеников), которые позволяют по-новому осветить вопрос о связи понятий и понятий. При этом сами примеры и лингвистические формулировки Д. П. Горского довольно сомнительны. Д. П. Горский утверждает, что «слово „месяц“ в русском языке образовалось от слова „измерять“» (стр. 105). Можно подумать, что «образование» это произошло в какой-то период развития самого русского языка. Еще более показателен следующий пример. По мнению Д. П. Горского, «слово „луна“ в латинском языке связано со словами „непостоянный“, „капризный“, „прихотливый“» (стр. 105). Но все серьезные этимологи производят латинское *lūna* от прилагательного *lucisnā* — «святищный»¹.

Может быть, автор имел в виду происхождение немецкого *Laune* «изменчивое настроение, каприз» (ср.-в.-нем. *lūne* от лат. *lūna*). Но это значение развилось целиком на немецкой почве под влиянием средневековых астрологических представлений².

А. Г. Спиркин («Происхождение языка и его роль в формировании мышления») утверждает, что «в истории науки известны две основные теории происхождения языка — теория звукоподражания и теория междометий» (стр. 3, сноска). Во-первых, здесь забыта теория трудовых выкриков Л. Нуаре, которого автор в дальнейшем цитирует, и К. Бюхера³. Во-вторых, нельзя забывать интересную работу Г. Шухардта⁴, которая не укладывается в рамки трех названных теорий. Наконец, нельзя не упомянуть и о новейших теориях происхождения языка (Ван-Гиннекен, Г. Ревеш) и в особенности — о теории, по которой язык возник из пантомимы⁵.

Сделаем несколько замечаний в связи с критикой в сборнике семантики Карнапа и Тарского (которых авторы не отличают от представителей различных школ семантической философии, в частности — общей семантики). Подход Карнапа и Тарского к проблеме определений при более тщательном, чем в книге, его рассмотрении мог бы оказаться во многом полезным для решения поставленной проблемы, а сама полемика против них могла бы стать более продуктивной. Насколько же серьезна эта полемика в книге, можно судить хотя бы по такому примеру. По мнению В. М. Богуславского, Карнап утверждает, что «слова представляют собой ярлыки» (стр. 242). Однако имеется принципиальная разница между формальным определением и содержанием утверждения. Для Карнапа слова по определению суть знаки, а связь между словом и значением — это установленное для данной системы соответствие между обозначающими и обозначаемыми. Можно принимать или отвергать по тем или иным мотивам эту концепцию (используемую, кстати сказать, в области кибернетики), однако ей нельзя отказывать в точности и логической стройности. И уж во всяком случае критиковать надо то, что эта концепция содержит на самом деле, а не собственные догадки.

Критикуя точку зрения Тарского, изложенную в его книге «Семантическое понятие истины», П. В. Коппин утверждает, что материалистическое понимание истины у Тарского («истина суждения заключается в его согласии или соответствии с действитель-

¹ См., например: A. Ernout et A. Meillet, Dictionnaire etymologique de la langue latine, Paris, 1932, стр. 542; 3, éd. [v. 1] — Paris, 1951, стр. 664; В. Пизани, Этимология. История — проблемы — метод, перевод с итал., М., 1956, стр. 112.

² F. Kluge — A. Götz, Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache, 14-e Aufl., Berlin, 1948, стр. 347.

³ См.: Л. Нуаре, Оружие труда и его значение в истории развития человечества, перевод с нем., [Киев], 1925; К. Бюхер, Работа и ритм, перевод с нем., М., 1923.

⁴ Г. Шухардт, Происхождение языка, в кн.: «Избранные статьи по языкознанию», перевод с нем., М., 1950.

⁵ R. A. S. P a g e t, The origins of language with special reference to the Paleolithic Age, «Cahiers d'histoire mondiale», vol. 1, № 2, Paris, 1953; A. Sommerfelt, The origin of language. Theories and hypotheses, там же, vol. 1, № 4, 1954.

ностью») — «это только форма»; на самом деле концепция Тарского субъективистская, потому что: 1) «Истина, по его мнению, выражает не отношение суждения к отражаемому им объекту, а свойства... определенных выражений»; 2) истину Тарский ставит «в зависимость от системы языка» (стр. 292). Здесь необходимо заметить следующее: критика идеализма и метафизики во всех их видах необходима. Но необходима серьезная критика, считающаяся с фактами. В данном случае, критика Тарского, необходимо признать как факт следующее: 1) истинность есть на самом деле с в о й с т в о суждений; и тот факт, что это свойство заключается в соответствии суждений действительности, этого не ликвидирует; никакого субъективизма здесь нет; 2) истинность как свойство суждений и проблема построения о п р е д е л е н и й этого свойства (истинности) применительно к суждениям различного типа — это не одно и то же; 3) определить истинность суждений различного типа [$S \rightarrow P$], $P(a, b, \dots)$, «Если..., то...», суждений, содержащих знаки конъюнкции, дизъюнкции и т. п.] невозможно без выяснения их структуры. И тут Тарский прав, он излагает отнюдь не свои измышления, а общие места логики.

В работах Тарского, безусловно, есть что критиковать. Но полагать при этом, что из признания зависимости определения понятий «истинно», «ложно» и т. д. (применительно к суждениям) от логической структуры языка следует отрицание объективной истинности суждений, просто фактически неверно. Кстати, П. В. Коппин сам определяет истинность вопроса и побуждения (которые, по его мнению, суть суждения) в некоторой системе, а именно — ставит истинность вопроса и побуждения в зависимость от истинности некоторых суждений, лежащих в их основе (стр. 316, 321). Но он не квалифицирует это как отрицание объективной истинности вопроса и побуждения.

Е. М. Галкина-Федорук, приводя ряд высказываний из «Логико-философского трактата» Виттгенштейна, пишет: «при более вдумчивом отношении видно, что в этом трактате пропагандируется неверная теория, утверждающая, что предложение — определенная структура¹ терминов — должно быть соотносено, или, вернее сказать, должно соответствовать совокупности связанных объектов, т. е. язык отождествляется с явлениями природы» (стр. 402). Это «вдумчивое отношение» выглядит несколько странно. Устанавливая соответствие терминов и объектов, мы этим самым ни в какой мере не отождествляем язык с явлениями природы (термины с объектами, которым они соответствуют). Идеалистические ошибки Виттгенштейна при такой дезориентирующей критике остались совершенно не затронутыми.

Мы не ставили своей задачей оценку книги в целом и не отрицаем того, что она имеет известные достоинства. Однако ясность в вопросах, на которые мы здесь обратили внимание, является совершенно необходимым условием решения рассматриваемой в книге проблемы в целом и в ее деталях. В книге эта ясность отсутствует.

А. А. Зиновьев, И. И. Ревзин

НОВЫЕ РАБОТЫ ВЕНГЕРСКИХ ДИАЛЕКТОЛОГОВ

I

Диалекты родного языка давно привлекали внимание венгерских лингвистов. Однако систематический сбор материалов по диалектам и единая обработка этих материалов развернулись лишь в 1950 г. Начиная с этого года в Венгрии было напечатано несколько интересных работ, посвященных вопросам диалектологии, знакомящих с творческими исканиями венгерских диалектологов.

В этой связи большого внимания заслуживает прежде всего сборник «Методы работы над лингвистическим атласом венгерского языка»¹, изданный в 1955 г. под редакцией автора известного этимологического словаря венгерского языка акад. Г. Барци. Им написана первая статья, посвященная истории работы над лингвистическим атласом венгерского языка. Г. Барци отмечает, что первые попытки по изучению диалектов венгерского языка были сделаны еще в XIX в. Однако до последнего времени исследователи работали разрозненно, без единого плана или обследовали лишь отдельные районы в Венгрии. Лишь в 1949 г. в целях создания лингвистического атласа был разработан новый проект всестороннего изучения диалектов на территории Венгрии и Словакии. Был создан коллектив из опытных диалектологов, члены которого прежде всего установили количество вопросов в вопроснике и приняли решение об использовании транскрипции, разработанной Л. Даме на основе системы венгерского диалектолога Б. Чюри. В систему Чюри были внесены некоторые изменения, принятые на пер-

¹Сб. «A magyar nyelvátlasz munkamódszere. Tanulmánygyűjtemény», szerkesztette Bárczi Géza, Budapest, 1955.